

Сообщение Хебекука Джефсона

В декабре 1873 года английский корабль «Божья благодать» вошел в Гибралтар, ведя на буксире бригантину «Святая дева». Покинутая командой бригантина была обнаружена на 38°40' северной широты и 17°15' западной долготы. Этот случай породил в то время немало разных толков и возбудил всеобщее любопытство, которое так и осталось неудовлетворенным. Подробности дела изложены в обстоятельной статье, опубликованной в «Гибралтарском вестнике». Желающие могут ознакомиться с ней в номере от 4 января 1874 года, если мне не изменяет память, а для тех, кто не имеет такой возможности, я приведу наиболее существенные выдержки из нее.

«Мы побывали на брошенном корабле “Святая дева”, — пишет анонимный автор, — и подробно расспросили офицеров “Божьей благодати”, надеясь получить от них какие-нибудь

сведения, проливающие свет на эту загадку. По мнению всех опрошенных, “Святая дева” была оставлена командой за несколько дней, а может быть и недель, до того, как ее обнаружили. В судовом журнале, найденном на корабле, говорится, что бригантина 16 октября вышла из Бостона, направляясь в Лиссабон. Однако журнал велся от случая к случаю — и содержит лишь весьма скудные сведения. В записях не встречается упоминаний о дурной погоде, окраска судна имеет свежий вид, такелаж ничуть не пострадал, и приходится отвергнуть предположение, что оно покинуто из-за полученных повреждений. Корпус корабля совершенно не пропускал воду. Никаких следов борьбы или насилия над командой не обнаружено, и совершенно непонятно, чем вызвано исчезновение экипажа.

На бригантине находилась женщина: в каюте найдена швейная машина и отдельные предметы женского туалета. Они принадлежали, по всей вероятности, жене капитана — в судовом журнале упоминается, что она сопровождала мужа. В доказательство того, что погода благоприятствовала плаванию бригантины, можно привести следующую деталь: на швейной машине лежала катушка шелковых ниток, которая даже при небольшой качке, конечно, скатилась бы на пол.

Все лодки оказались целыми и висели на своих местах, на шлюпбалках, а груз — свечное сало и американские часы — сохранился в неприкосновенности. На баке, среди различного хлама,

обнаружен старинный меч искусной работы. На его стальном клинке виднеются какие-то продольные полосы, словно меч не так давно вытирали. Оружие было доставлено в полицию, которая передала его для исследования доктору Монегену. Результаты исследования пока не известны.

В заключение отметим, что, по мнению капитана “Божьей благодати” Дальтона — опытного и сведущего моряка, — “Святая дева” брошена командой довольно далеко от того места, где она была обнаружена, поскольку в тех широтах проходит мощное течение, зарождающееся у берегов Африки. Вместе с тем он признал, что теряется в догадках и не в состоянии предложить никакого сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этой истории. Полное отсутствие каких-либо определенных данных заставляет опасаться, что судьба команды “Святой девы” останется одной из тех многочисленных тайн, хранимых морскими безднами, которые не будут разгаданы до наступления судного дня, когда море отдаст своих мертвецов. Если, как есть основания предполагать, было совершено преступление, трудно надеяться, что виновных постигнет заслуженная кара».

В дополнение к этой выдержке из «Гибралтарского вестника» приведу телеграмму из Бостона. Она обошла все английские газеты и содержит все, что удалось узнать о «Святой деве». Вот ее текст:

«“Святая дева”, бригантина водоизмещением в 170 тонн, принадлежала фирме бостонских импортеров вин “Уайт, Рассел и Уайт”. Капитан Д. У. Тиббс — старый служащий фирмы, человек испытанной честности и бывалый моряк. Его сопровождала жена в возрасте тридцати одного года и младший сын трех лет. Команда состояла из семи матросов, включая двух негров, и юнги.

На бригантине было три пассажира, в том числе крупный бруклинский специалист по туберкулезу легких — доктор Хебекук Джефсон. Он известен также как поборник освобождения негров, особенно на первом этапе деятельности аболиционистов. Его памфлет “Где твой брат?”, опубликованный перед началом гражданской войны, оказал большое влияние на общественное мнение. Другими пассажирами были бухгалтер фирмы мистер Д. Хертон и мистер Септимиус Горинг, мулат из Нью-Орлеана.

Расследование не смогло пролить свет на судьбу этих четырнадцати человек. Смерть доктора Джефсона не пройдет незамеченной в политических и научных кругах».

Я изложил в интересах публики все, что до сих пор было известно о судьбе «Святой девы» и ее команды, так как за прошедшие десять лет разгадать эту тайну не удалось никому. Теперь я берусь за перо с намерением рассказать все что знаю о злополучном плавании бригантины. Я считаю

своим долгом выступить с этим сообщением и спешу это сделать, ибо у меня есть основания думать, что в скором времени я уже не в силах буду писать: я наблюдаю у себя зловещие симптомы, которые хорошо изучил на других. В виде предисловия к моему рассказу позвольте заметить, что я, Джозеф Хебекук Джефсон, доктор медицины Гарвардского университета и бывший консультант Самаритянской клиники в Бостоне.

Многие, конечно, удивятся, почему я до сих пор не давал о себе знать и почему никак не реагировал на появление различных догадок и предположений. Если бы оглашение известных мне фактов в какой-то мере помогло правосудию, я без колебания решил бы на это. Но у меня не было такой уверенности. Я попытался рассказать обо всем одному английскому чиновнику, но встретил такое оскорбительное недоверие, что решил больше не подвергать себя подобному унижению.

И все же я могу извинить невежливость ливерпульского мирового судьи, когда вспоминаю, как отнеслись к моему рассказу мои собственные родственники. Они знали мою безупречную честность, но выслушивали меня со снисходительной улыбкой людей, решивших не противоречить сумасшедшему. Я поссорился со своим шурином Джоном Ванбургером, усомнившимся в моей правдивости, и твердо решил предать дело забвению. Только настойчивые просьбы моего сына заставили меня изменить свое решение.

Мой рассказ станет более понятным, если я коротко остановлюсь на своем прошлом и приведу два-три факта, которые проливают свет на последующие события.

Мой отец Вильям К. Джефсон, один из наиболее уважаемых жителей Лоуелла, был проповедником секты «Плимутские братья». Как и большинство пуритан Новой Англии, он был решительным противником рабства. Именно он внушил мне отвращение к рабству, которое я сохранил на всю жизнь. Еще будучи студентом медицинского факультета Гарвардского университета, я стал известен как сторонник освобождения негров. Позднее, получив ученую степень и купив третью часть практики доктора Уиллиса в Бруклине, я, несмотря на свою занятость, уделял много времени дорогому мне делу. Мой памфлет «Где твой брат?» («Свербург, Листер и К^о», 1859) вызвал значительный интерес.

Когда началась гражданская война, я покинул Бруклин и провел всю кампанию в рядах 113-го нью-йоркского полка. Я участвовал во второй битве при Булл-Ране и в сражении при Геттисберге. Затем в бою под Антиетамом я был тяжело ранен и, вероятно, умер бы на поле сражения, если бы не великодушные джентльмена по фамилии Мюррей, по распоряжению которого меня перенесли в его дом и окружили вниманием и заботой. Благодаря его милосердию и заботливому уходу его черных слуг я вскоре мог, опираясь на палку, передвигаться по территории плантации.

Именно в дни моего выздоровления произошел случай, непосредственно связанный с моим дальнейшим повествованием.

Во время моей болезни за мной особенно заботливо ухаживала старая негритянка. По-видимому, она пользовалась большим авторитетом среди других негров. Ко мне она относилась с исключительным вниманием. Как-то старая негритянка в разговоре со мной обронила несколько слов, из которых я понял, что она слыхала обо мне и признательна за то, что я защищаю ее угнетенный народ.

Однажды, когда я сидел один на веранде и, греясь на солнце, размышлял, не следует ли мне вернуться в армию Гранта, я с удивлением увидел, что ко мне подходит эта старуха. Негритянка осторожно оглянулась по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости, порылась у себя на груди в складках платья и достала замшевый мешочек, который висел у нее на шее на белом шнурке.

— Масса, — сказала она хриплым шепотом, нагнувшись к моему уху, — я скоро умру. Я очень старый человек. Скоро меня не будет на плантации масса Мюррея.

— Вы можете еще долго прожить, Марта, — ответил я. — Вы же знаете, что я доктор. Если вы нездоровы, скажите, что у вас болит, и я постараюсь вылечить вас.

— Я не хочу жить, я хочу умереть. Скоро я буду вместе с небесным владыкой... — И она разразилась одной из тех полуязыческих напыщенных

тирад, к которым порой бывают склонны негры. — Но, масса, у меня есть одна вещь, которую я должна кому-то оставить. Я не могу взять ее с собой за Иордан. Это очень ценная вещь, самая ценная и самая священная на свете. Она оказалась у меня, бедной черной женщины, потому, что мои предки были, наверно, великие люди у себя на родине. Но вы не можете понять этого так, как понял бы негр. Мне передал ее мой отец, а к нему она перешла от его отца, но кому же я передам ее теперь? У бедной Марты нет ни детей, ни родных, никого нет. Вокруг себя я вижу только дурных негров и глупых негритянок — никого, кто был бы достоин этого камня. И я сказала себе: вот масса Джефсон, который пишет книги и сражается за негров. Он, должно быть, хороший человек, и я отдам камень ему, хотя он белый и никогда не узнает, что это за камень и откуда он.

С этими словами старуха пошарила в замшевом мешочке и достала из него плоский черный камень с отверстием посередине.

— Вот, возьмите, — сказала она, почти силой вкладывая камень мне в руку. — Возьмите. От хорошего никогда вреда не будет. Берегите его и не потеряйте! — И с предостерегающим жестом старуха заковыляла прочь, озираясь по сторонам, чтобы удостовериться, что за нами никто не наблюдает.

Серьезность старой негритянки не произвела на меня особого впечатления, наоборот, скорее позабавила, и во время ее тирады я не рас-

смеялся только потому, что не хотел ее обидеть. Когда она ушла, я внимательно рассмотрел полученный предмет. Это был очень черный, исключительно твердый камень овальной формы — именно такой плоский камень человек выбирает на морском берегу, когда ему захочется бросить его подальше. У камня были закругленные края, в длину он имел три дюйма, а в ширину — посредине — полтора. Особенно курьезной показалась мне форма камня: на его поверхности виднелось несколько хорошо заметных полукруглых бороздок, что придавало ему поразительное сходство с человеческим ухом. В общем, мое приобретение заинтересовало меня, и я решил при первой же возможности показать его в качестве геологического образца своему другу, профессору Шредеру из Нью-Йоркского института. Пока же я сунул камень в карман и, уже не думая о нем, поднялся со стула и пошел прогуляться по аллеям.

К тому времени моя рана уже почти зажила, и вскоре я распрощался с мистером Мюрреем. Победоносные армии северян наступали на Ричмонд. Мои услуги не требовались, и я возвратился в Бруклин. Здесь я возобновил свою медицинскую практику, а затем женился на второй дочери известного резчика по дереву Джосая Ванбургера. За несколько лет мне удалось приобрести обширные связи и хорошо зарекомендовать себя как специалиста по туберкулезу легких. Я все еще хранил странный черный камень и часто рассказывал, при каких любопытных обстоятельствах

получил его. Профессор Шредер, которому я показал камень, очень заинтересовался не только самим образцом, но и его историей. По словам профессора, это был осколок метеорита, а свое сходство с ухом он приобрел в результате искусной, очень тщательной обработки. Неизвестный мастер проявил тонкую наблюдательность и высокое мастерство, сумев передать мельчайшие детали человеческого уха.

— Я не удивился бы, — заметил профессор, — если бы оказалось, что камень отбит от большой статуи. Но мне совершенно непонятно, как удалось с таким мастерством обработать столь твердый материал. Если где-то действительно имеется статуя, у которой отбита эта часть, мне бы очень хотелось взглянуть на нее!

В то время и я думал точно так же. Но позднее мне пришлось изменить свое мнение.

Следующие семь—восемь лет моей жизни прошли спокойно, без всяких событий. Вслед за весной наступало лето, после зимы — весна, не внося никаких перемен в мои повседневные занятия. В связи с расширением практики я взял в качестве партнера Д. С. Джексона на одну четвертую часть дохода. Но все же напряженная работа сказалась на моем здоровье, и я почувствовал себя так плохо, что по настоянию жены решил посоветоваться со своим коллегой по Самаритянской клинике доктором Каванагом Смитом. Этот джентльмен, осмотрев меня и обнаружив, что у меня несколько уплотнена верхушка левого